

16 февраля 2016

Памяти Пьера Булеза (1925-2016)

П. Булез. 1957. Фото: Susanne Schapowalow/Internationales Musikinstitut Darmstadt П. Булез. 1957. Фото: Susanne Schapowalow/Internationales Musikinstitut Darmstadt

В минувшую субботу исполнилось сорок дней со дня смерти Пьера Булеза - французского композитора и дирижера, оставившего огромный след в мировой академической музыке. Антон Дубин собрал воспоминания российских коллег великого музыканта в специальном материале для Уроков Истории.

Владимир Тарнопольский

Уход из жизни последнего из классиков XX века вызвал во всем мире огромный отклик и целую волну размышлений не только о самом композиторе и его творчестве, но и о судьбе и роли музыкального авангарда вообще. Эти дискуссии теперь коснулись и России.

Когда-то в юности я прочитал высказывание Стравинского о «Молотке без мастера» Булеза, звучание которого он сравнивал со звоном льдинок, ударяющихся о стенки стеклянного стакана. Конечно, это отнюдь не единственная тембровая краска булезовских сочинений, но, может быть, наиболее характерная. Во всяком случае, с тех пор мне не пришлось услышать ничего более лаконично-точного об этой музыке. Булез – композитор глубоко понимаемой гармонии и непрофанной красоты этого сложного мира, где все определяется парадоксальностью закономерного и логикой случайного.

Конечно же, Булез – великий композитор! При этом, должен признаться, – он отнюдь не композитор моего сердца. Да он и не нуждается в том, чтобы быть «сердцеедом», завоевывать чьи-то сердца! Это настоящий французский художник-интеллектуал, своего рода Декарт прекрасного, в музыке которого мы восхищаемся в равной степени чувственной красотой материи и выверенностью ее строгих формул. У него была своя идея и свой путь, это великий мастер, который не только выработал свой индивидуальный стиль, но и один из тех, кто дал код к музыкальному языку эпохи. А его виртуознейшая композиционная комбинаторика не может не восхищать любого профессионала, хотя, наверное, может оставить равнодушным любителя музыки. Впрочем, на его музыкальные идеи откликнулись и «любители», например, такие, как философ-постструктуралист Жиль Делез, но это были именно великие «любители».

Его лаконичная, внешне суховатая манера дирижирования оказывается вполне достаточной для раскрытия всей глубины исполняемых партитур. В сравнении с ним другие его коллеги, картинно закатывающие глаза и трясущие шевелюрой, наверное, должны чувствовать себя очень неловко.

Но Булез поразителен не только как композитор и дирижер. Он один из самых великих музыкальных созидателей в истории. Булез качественно перестроил довольно рыхлые музыкальные структуры послевоенной Франции, превратив их в самые передовые музыкальные институты планеты. Создание грандиозного по замыслу исследовательского центра IRCAM, осуществившего переворот в понимании единства всего акустического поля – от «натурального» звука до электроники; организация выдающегося Ансамбля Intercontemporain, устеленного новыми профессиональными стандартами в исполнении современной музыки; наконец, воплощенный проект целого музыкального города Cite de la musique, ставший на десятилетия лучшим концертным залом французской столицы и местом притяжения музыки – все это результат его музыкантской и общественной деятельности!

Булезовские идеи культурного строительства оказались гораздо шире его личных эстетических взглядов. Так, композиторы-спектралисты, выросшие на почве акустических исследований созданного им IRCAM'a, открыли совсем новые пути, для Булеза эстетически неприемлемые, хотя бы уже в силу их опоры на «старую категорию» вертикали. Это саморазвитие идей, вопреки устремлениям их прародителя, является для меня отнюдь не знаком поражения, а наоборот – показателем величия их автора. Как исключительно требовательный художник с четко очерченным творческим профилем, Булез принимал в музыке далеко не все и не всех. Это, конечно, по сегодняшним меркам очень «нелиберально», но именно строгий отбор, именно эта Intolleganza (Нетерпимость – как озаглавил одно из своих сочинений Л. Ноно) и делает художника художником. Творческая бескомпромиссность – отдельная страница биографии Булеза и об этом тоже, наверное, будет написано немало.

Лично мне посчастливилось встретиться с Булезом только дважды. Один раз – на его пресс-конференции в Союзе композиторов – когда он неожиданно объявил о приглашении меня на стажировку в IRCAM. Правда, к сожалению, ни в тот раз, ни через год, когда моя Кассандра уже в его отсутствие стала победителем IRCAM'овского конкурса, я до Франции так и не добрался. Но особенно мне запомнилась другая встреча. В 1990-м году группа молодых композиторов-членов АСМа принимала его в гостях на квартире Елены Фирсовой и Дмитрия Смирнова. Булез, пришедший вместе с Эдисоном Денисовым, был поразительно прост. Его ничуть не смутила маленькая квартира в советской микрорайонной многоэтажке со всей соответствующей тому времени «обстановкой». С продуктами тогда было трудно, и стол был накрыт более чем скромно. Булез ничему не удивился, его поведение было столь естественным, что это даже нельзя назвать проявлением деликатности. Он очень подробно, в деталях, без тени профессионального высокомерия отвечал на все наши иногда совсем наивные вопросы. С той встречи сохранилась фотография, которая теперь, наверное, приобрела в какой-то степени историческое значение.

Удивительно, но сегодня в России даже изящные «звуковые льдинки» такого аполитичного художника, каким был Булез, превращаются в разрушительный айсберг «Титаника» и вызывают очень горячие споры! Булез неожиданно оказался той ключевой фигурой, по которой по сей день проходит глубокая разделительная черта в нашей профессиональной среде.

...Я пришел в концертный отдел консерватории с предложением провести концерт памяти этого великого мастера. Как оказалось, незадолго до этого как раз с тем же предложением обратился мой давний друг, замечательный музыкант, посвятивший свою жизнь «антибулезовской» альтернативной музыке. Чтобы согласовать наши программы, мы созвонились. «Булез давно умер! – громко доказывал он мне, продолжая нашу неизбывную дискуссию. – Это абсолютно мертвый композитор! Он умер еще в 60-е, вместе со всем европейским авангардом», и т. д. «Гений – это Райх. Минимализм – вот новый взгляд на мир, вот язык современности!».

Булез, одержимый поисками нового музыкального языка, говорил о минимализме, что в нем мало собственно музыки. Но «эстетическая левизна» европейца Булеза не нашла отклика в среде российских левых. Музыкой многих из них стал как раз минимализм. Его прослеживая доступность и «невзыскательность» парадоксальным образом способствовала осуществлению давней советской мечты об искусстве, понятном самым широким массам с первого же знакомства.

Вспоминаю, как несколько лет назад другой мой коллега и многолетний оппонент Владимир Мартынов (мы не раз участвовали в совместных публичных дискуссиях) – музыкант, которого я очень уважаю, но чьи музыкально-эстетические взгляды считаю в определенном смысле популистской «капитуляцией», – просмотрев по моей просьбе партитуру моей дипломницы Ольги Бочихиной, заявил, что это, конечно, «победа булезовщины, но победа пиррова». «Это – проигрыш».

От себя замечу, что та партитура совершенно никакого отношения к Булезу не имела, скорее даже наоборот, она была ближе к булезовским прямым оппонентам – французским спектралистами. Но за идеологической борьбой с условным «коллективным Булезом» незачем разбираться в деталях – ведь это же «все одно!»

Этот «надконтинентальный» уровень обобщения, парадоксальные инверсии позиций «правых» и «левых», это единство «прогрессистов» и «традиционалистов» в своем и левоевропейском единстве всегда расставили. Полтора века назад в одном из журналов провинциальный поэт Василий Сиротин опубликовал замечательное стихотворение:

Левая, правая где сторона?

Улица, улица, ты, брат, пьяна.

Как сегодня написано!

О Булезе у нас в эти дни много говорят, но практически не играют. Он по-прежнему остается неизвестным не только для российской публики, но и для подавляющего большинства российских музыкантов. Вот сейчас мы с вами беседуем о Булезе, но в наших концертных афишах, в нашей художественной жизни, как и прежде, – ни «Молотка», ни Мастера.

Композиторы АСМа-2 на встрече с Булезом